

Александр Блок

Ирония

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, -
Нам рано предаваться ей.
Некрасовⁱ

Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь - сродни душевным недугам и может быть названа "иронией". Ее проявления - приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается - буйством и кощунством.

Я знаю людей, которые готовы задохнуться от смеха, сообщая, что умирает их мать, что они погибают с голоду, что изменяла невеста. Человек хохочет - и не знаешь, выпьет он сейчас, расставшись со мною, уксусной эссенции, увижу ли его еще раз? И мне самому смешно, что этот самый человек, терзаемый смехом, повествующий о том, что он всеми унижен и всеми оставлен, - как бы отсутствует; будто не с ним я говорю, будто и нет этого человека, только хохочет передо мною его рот. Я хочу потрясти его за плечи, схватить за руки, закричать, чтобы он перестал смеяться над тем, что ему дороже жизни, - и не могу. Самого меня ломает бес смеха; и меня самого уже *нет*. Нас обоих нет. Каждый из нас - только смех, оба мы - только нагло хохочущие рты.

Это - не беллетристика. Многие из вас, углубившись в себя без ложного стыда и лукавства, откроют в себе признаки той же болезни.

Эпидемия свирепствует; кто не болен этой болезнью, болен обратной: он *вовсе* не умеет улыбнуться, ему ничто не смешно. И по нынешним временам это - не менее страшно, не менее болезненно; разве мало теперь явлений в жизни, к которым нельзя отнестись иначе, как с улыбкой?

Много ли мы знаем и видим примеров *созидающего*, "звонкого" смеха, о котором говорил Владимир Соловьевⁱⁱ, увы! - сам не умевший, по-видимому, смеяться "звонким смехом", сам зараженный болезнью безумного хохота? Нет, мы видим всегда и всюду - то лица, скованные серьезностью, не умеющие улыбаться, то лица - судорожно дергающиеся от внутреннего смеха, который готов затопить всю душу человеческую, все благие ее порывы, смести человека, уничтожить его; мы видим людей, одержимых *разлагающим* смехом, в котором топят они, как в водке, свою радость и свое отчаянье, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь и, наконец, свою смерть.

Кричите им в уши, трясите их за плечи, называйте им дорогое имя, - ничто не поможет. Перед лицом проклятой иронии - все равно для них: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологубаⁱⁱⁱ. Все смешано, как в кабаке и мгле. Винная истина, "in vino veritas" - явлена миру, все - едино, единое - есть мир; я пьян, ergo - захочу - "приму" мир весь целиком, упаду на колени перед Недотыкомкой, соблазну Беатриче; барахтаясь в канаве, буду полагать, что парю в небесах; захочу - "не приму" мира: докажу, что Беатриче и Недотыкомка одно и то же. Так мне угодно,

ибо я пьян. А с пьяного человека - что спрашивается? Пьян иронией, смехом, как водкой; так же все обезличено, все "обесцелено", все - все равно.

Какая же жизнь, какое творчество, какое дело может возникнуть среди людей, больных "иронией", древней болезнью, все более и более заразной? Сам того не ведая, человек заражается ею; это - как укус упыря; человек сам становится кровопийцей, у него пухнут и наливаются кровью губы, белеет лицо, отрастают клыки^{iv}.

Так проявляется болезнь "ирония".

И как нам не быть зараженными ею, когда только что прожили мы ужасающий девятнадцатый век, русский девятнадцатый век в частности? Век, который хорошо назван "беспламенным пожаром"^v у одного поэта; блистательный и погребальный век, который бросил на живое лицо человека газетовый - покров механики, позитивизма и экономического материализма, который похоронил человеческий голос в грохоте машин; металлический век, когда "железный коробок" - поезд железной дороги - обогнал "необгонимую тройку", в которой "Гоголь олицетворял всю Россию", как сказал Глеб Успенский^{vi}.

Как не страдать нам такою болезнью, когда властительнее нашего голоса стали свистки паровозов, когда, стараясь перекричать машину, мы надорвались, выкричали душу (не оттого ли так последовательно, год за годом, умирает русская литература, что выкричана душа интеллигентская, а новая еще не родилась?), и из опустошенной души вырывается уже не созидательная хула и хвала, но разрушающий, опустошительный смех?

На этот смех, на эту иронию указано давно. Еще Добролюбов говорил, что "во всем, что есть лучшего в нашей словесности, видим мы эту иронию, то наивно-открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно-желчную"^{vii}. Добролюбов видел в этом залог процветания русской сатиры, но не знал всей страшной опасности, приходящей отсюда, по двум причинам.

Во-первых, он страдал обратной болезнью, он не умел улыбнуться, он не владел ни одним из многообразных методов смеха. Он был сыном несмеющейся эпохи, естественной реакцией против которой был Кузьма Прутков. Хорошо, забавно было цитировать Пруткова, теперь это немножко жутко и пошло, как многие и многие хорошие остроты "победоносцевского периода", даже остроты шутника Владимира Соловьева.

Во-вторых, и это главное, Добролюбов - писатель *дореволюционный*. В его критических гаданиях не было ни малейшего предвиденья не только андреевского "красного смеха"^{viii}, но и глубин иронии Достоевского. А уж тонкой и разрушительной иронии Сологуба Добролюбов и во сне не видал.

Конечно, и Достоевский, и Андреев, и Сологуб - по-одному - русские сатирики, разоблачители общественных пороков и язв; но по-другому-то, и по самому главному, - храни нас господь от их разрушительного смеха, от их иронии; все они очень несходны между собою, во многом - прямо враждебны. Но представьте себе, что они сошлись в одной комнате, без посторонних свидетелей; посмотрят друг на друга, засмеются и станут заодно... А мы-то слушаем, мы-то верим.

Достоевский не говорит прямого "нет" тому семинарскому нигилизму, который разбирает его. Он влюблен чуть ли не более всего в Свидригайлова^{ix}.

Андреев не только мучается "красным смехом", он, в бессознательных глубинах своей хаотической души, любит двойников ("Черные маски"), любит всенародного провокатора ("Царь-Голод"), любит ту "космическую провокацию", которой проникнута "Жизнь Человека", тот "ледяной ветер безграничных пространств"^x, который колеблет желтое пламя свечи человеческой жизни.

Сологуб не говорит "нет" Недотыкомке, он связан с нею тайным обетом верности. Сологуб не променяет мрака своего бытия ни на какое иное бытие. Смешон тот, кто примет песни Сологуба за жалобы. Никому не станет жаловаться чаровник Сологуб, иронический "русский Верлэн".

И все мы, современные поэты, - у очага страшной заразы. Все мы пропитаны провокаторской иронией Гейне. Тою безмерною влюбленностью, которая для нас самих искажает лики наших икон, чернит сияющие ризы наших святынь.

Некому сказать нам спасительное слово, ибо *никто* не знает силы нашей зараженности. Какой декадент, какой позитивист, какой православный мистик поймет всю обнаженность этих моих слов? Кто знает то состояние, о котором говорит одинокий Гейне: *"Я не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо!"*^{xi} Ведь это - крик о спасении.

С теми, кто болен иронией, любят посмеяться. Но им не верят или перестают верить. Человек говорит, что он умирает, а ему не верят. И вот - смеющийся человек умирает один. Что ж, может быть к лучшему?

"Собаке - собачья смерть".

Не слушайте нашего смеха, слушайте ту боль, которая за ним. *Не верьте никому из нас, верьте тому, что за нами.*

Если же мы не способны явить вам то, что за нами, то, чего хотят и чего ждут иные из нас, - отвернитесь от нас скорее. Не делайте из наших исканий - моды, из нашей души - балаганных кукол, которых таскают на потеху публике по улицам, литературным вечерам и альманахам.

Есть священная формула, так или иначе повторяемая всеми писателями:

"Отрекись от себя для себя, но не для России" (*Гоголь*)^{xii}.

"Чтобы быть самим собою, надо отречься от себя" (*Ибсен*).^{xiii}

"Личное самоотречение не есть отречение от *личности*, а есть отречение *лица* от своего эгоизма" (*Вл. Соловьев*).^{xiv}

Эту формулу повторяет решительно *каждый* человек; он неизменно наталкивается на нее, если живет сколько-нибудь сильной духовной жизнью. Эта формула была бы банальной, если бы не была *священной*.

Ее-то понять труднее всего.

Я убежден, что в ней лежит спасение и от болезни "иронии", которая есть болезнь личности, болезнь "индивидуализма". Только тогда, когда эта формула проникнет в плоть и кровь каждого из нас, наступит настоящий "кризис индивидуализма". До тех пор мы не застрахованы ни от каких болезней вечно зацветающего, но вечно бесплодного духа.

Ноябрь 1908

Воспроизведено по собранию сочинений А.Блока в 8-ми томах, М.-Л., 1962, ГИХЛ, том 5, стр. 345-349

ⁱ Из стих. Н.А. Некрасова "Я не люблю иронии твоей...".

ⁱⁱ У Вл. Соловьева ("ds"): Из смеха звонкого и из глухих рыданий / Созвучие вселенной создано...

-
- ⁱⁱⁱ Недотыкомка - символический образ из роман Сологуба "Мелкий бес".
- ^{iv} Эти строки были, возможно, навеяны романом английского писателя Брэма Стокера "Вампир граф Дракула", который произвел на Блока сильное впечатление.
- ^v См. стих. В.Я. Брюсова "Фонарики".
- ^{vi} См.: Г.И. Успенский "Крестьянин и крестьянский труд" (V. "Смягчающие вину обстоятельства"). Ср. характеристику "железного" XIX века во вступлении к первой главе поэмы "Возмездие".
- ^{vii} Из статьи Н.А. Добролюбова "Собеседник любителей русского слова" (1856).
- ^{viii} Блок имеет в виду рассказ Л. Андреева "Красный смех".
- ^{ix} Свидригайлов - один из героев романа Достоевского "Преступление и наказание".
- ^x Из пьесы Л. Андреева "Жизнь человека" (Пролог).
- ^{xi} См. "Путевые картины" Г. Гейне (ч. 1, "Путешествие на Гарц").
- ^{xii} "Выбранные места из переписки с друзьями" ("письмо" XX).
- ^{xiii} "Пер Гюнт" (д. 4).
- ^{xiv} "Национальный вопрос в России" (Собрание сочинений В.С. Соловьева, т. V. СПб. (1902), стр. 42-43).